

Россия - 2003 - 13 нояб. - с.10
Представитель нечистой силыМарк Волоцкий,
директор музея киностудии имени Горького.
Фото из архива автора (публикуются впервые)

Георгий Францевич Милляр пришел в этот мир 100 лет назад. За долгую жизнь в искусстве (он умер на 91-м году) им создана целая галерея образов в кинематографе для детей. В основном в фильмах-сказках, поставленных одним из основоположников этого жанра в отечественном кино режиссером Александром Роу и его последователями.

Георгий Францевич Милляр — это Баба-яга и Кошечка Бессмертный, это Черт и Злая Колдунья и многие другие образы, создание которых позволило ему как-то заметить, что он является представителем нечистой силы в советском кинематографе.

Родился Георгий Францевич в Москве. Но еще с детства он полюбил Ялту, куда часто ездил с мамой на отдых. Как он утверждал много позже в своей «Азбуке»: «Ялта — киногород, временно оккупированный курортниками. Если бы Ялта не была курортом, была бы лучшим местом для отдыха».

Спустя десятилетия он станет частым гостем Ялтинской киностудии. Там снималась натура киносказок Александра Роу. Там и родилась знаменитая Баба-яга Миллара в фильме «Василиса Прекрасная». «Так что Баба-яга у нас южаночка, черноморочка», — сообщал под дружные аплодисменты зала Георгий Францевич на встречах со зрителями. И на вопрос, почему он, мужчина, играл эту роль, актер отвечал: «Да потому, что мужик в юлке — страшнее». Но была еще одна причина. И о ней Георгий Францевич поведал в своих воспоминаниях: «На роль Бабы-яги провалялись великолепные актрисы — Фаина Раневская и Варвара Алекина (сестра великого шахматиста). Но режиссер предпочел мою кандидатуру. Представляете, от скольких мытарств я избавил актрис. Играв Бабу-ягу, мне пришлось больше двадцати раз скатываться из пещки по длинному жестяному желобу, после чего несколько дней не мог сидеть, а спать приходилось только на живот».

Актеру часто приходилось на съемках испытывать метод физических действий, а порой и в самой жизни. В фильме «Вечера на хуторе близ Диканьки» Милляр играл Черта на тридцатиградусном морозе. Одет он был в легкое трико. А в фильме был эпизод, когда кузнец Вакула окунал Черта «по самое горлышко» в ледяную воду... Хотели устроить искусственную прорубь в павильоне, но Милляр, которому тогда шел 58-й год, возразил: «В павильоне сниматься не буду. Давайте все делать на натуре». После съемки его укутали в теплую шубу. Но вдруг режиссер говорит: «Нужен второй дубль — мимика должна быть поярче». Повторили. В чувство привела не только шуба, но и спиртное. «Только портвейном и спасался!» — вспоминал актер.

В другой раз спасали его спиртом. Об этом мне поведал оператор многих фильмов —

сказок (и не только сказок) Владимир Николаевич Окунев: «Снимался фильм «Морозко». Киногруппа выехала на Север, в город Мончегорск, на съемку зимней натуры. Жили в здании общежития. Милляр в тот день не был занят на съемке. Мы же с оператором постановщиком Дмитрием Суренским выехали на съемку в зимнем лесу. В какой-то момент мы увидели приехавшую из общежития и бегущую к нам навстречу ассистента режиссера по реквизиту Луизу Ивановну. Она сообщила, что в подвале общежития, где хранилась отснятая нами пленка, прорвало трубу с холодной водой. Приехав в общежитие и спустившись в подвал, мы увидели картину, которая и сейчас стоит перед моими глазами: Георгий Францевич, стоя по горло в холодной воде, бросает уже последние коробки с киноматериалом в сухое место. А коробок накопилось не менее пятидесяти... Миллара протерли спиртом, после чего ему помогли взобраться на стул, и он в присутствии всей группы спел свои «милляровские песни». В том году ему исполнилось 60 лет. На застолье, последовавшее после выступления куплетиста, Александр Артурович Роу предложил первый тост за спасителя. Можно только представить, какой урон понесла бы группа, если бы погиб результат нашей месячной работы».

Спустя 26 лет после создания киносказки «Морозко» премьера картины состоялась в Голливуде, в зале на 2,5 тысячи мест. Милляр был включен в состав делегации, но в связи с преклонным возрастом (87 лет) лететь в США не рискнул, сострив: «Я в самолете развалюсь». Ограничился киноинтервью. В Голливуде фильму был устроен поистине триумфальный прием. «Это замечательно. Изумительно! Малыши, сидящие за мной, по-настоящему хохотали», — писал в отзыве о фильме актер Патрик Лабортес. На Международном кинофестивале детских фильмов в Венеции «Морозко» был удостоен главной премии «Золотой лев Святого Марка» (1964).

Да, «Морозко» — это была победа не только творческой группы, но и всего коллектива Киностудии имени Горького, где Роу снял все свои 16 сказок. И во всех его сказках снимался Г.Ф. Милляр. Это редкий пример творческого сотрудничества, единодушия двух великих кинематографистов.

Вспоминая свою первую киносказку «По щучьему велению», последующие роли в фильмах Роу, Милляр писал: «Картина «По щучьему велению» вышла на экран к ново-

Георгий Милляр — главная Баба-яга страны

му, 1939 году, пользовалась большим успехом и положила начало целой галерее «киносказок Роу». С тех пор возник тесный творческий контакт с этим блестящим режиссером не только у меня, но и у целого коллектива кинематографистов, который он, блестящий организатор, сколотил вокруг себя. Творчество Роу жизнерадостно и оптимистично. Однако, помню, быстро нашлись теоретики, объявившие сказку какой-то «вредной мистикой». Полный вздор! Там, где есть юмор, там нет места для мистики. Юмор — не зубоскальство, а мудрость. Попробуйте отнять юмор у Роу! И попробуйте вычеркнуть его сказки из истории кинематографа!»

Георгий Францевич часто вспоминал своего учителя по сцене Сергея Мартинсона. Милляр начинал как театральный актер (в Московском театре революции). Георгий Францевич боготворил Всеволода Эмильевича Мейерхольда, называл его великим реформатором сцены. Он смотрел все спектакли его театра. Смотрел он и все спекта-

кли, поставленные в Еврейском театре выдающимся режиссером и актером Соломоном Михоэлсом.

Однажды Георгий Францевич рассказал мне о том потрясении, которое он испытал на спектакле «Король Лир», где роль Лира играл Михоэлс. И вдруг в какой-то момент Милляр преобразился в Лира — Михоэлса и воспроизвел трагический монолог Лира. Я онемел. Один Гений воспроизвел игру другого Гения. Такое не забывается. Я спросил у Георгия Францевича, знал ли он еврейский язык (спектакли шли на идише). «Не знал, — ответил Милляр, — но понимал все. Театр — это не только слово, но и жест, мимика, интонация, движение. Я понимал сокровенный трагический смысл жеста руки Михоэлса — Лира...»

Неспроста же Георгий Францевич многие годы мечтал сыграть Юлия Цезаря и Вольтера. На Вольтера он был похож и без грима. Ведь по отцу он был француз, и День взятия Бастилии отмечал как свой национальный

праздник. Мать актера — русская, дочь богатого сибирского золотопромышленника. Так что русские и французские праздники для него были равноценны.

Мечтал он многие годы и о роли Суворова и не от полного удовлетворения своей актерской судьбой родился его грустный афоризм: «Актер — это кладбище несыгранных ролей».

Запомнились и другие афоризмы мудреца: «Мораль — справочник для тех, кто не имеет совести», «Баланс: одна утренняя рюмка нужнее двух вечерних», «Юбилей — однодневный культ личности». Однажды мы ехали с Георгием Францевичем и Сергеем Николаевым (исполнителем роли царского сына, упитанного, но невоспитанного, в сказке «Варвара-краса — длинная коса») на встречу со зрителем в Ростове Великий. Надо сказать, что, несмотря на преклонный возраст, Милляр всегда находил время и силы, чтобы ехать в жару, в холод на встречу со зрителем. Здесь любовь была взаимная. И ни разу он не

спросил — заплатят или не заплатят, а если заплатят, то сколько. Ни разу!

И вот в дороге я спросил Георгия Францевича, почему мы, люди, источаем столько зла? Отчего столько несчастий на земле? Я никогда не забуду его лица в ту минуту. Оно было полно скорби и сострадания роду людскому. Это был лик мудреца, которому многое открылось в нашей человеческой жизни, открылось в душе, в сердце. Я вспомнил автопортрет великого итальянского живописца XVI века Тинторетто. Вспомнил и один из снимков Льва Толстого конца XIX века, и последний портрет Шукшина из года семьдесят четвертого, его последний вопрос: «Что с нами происходит?» Вопрос этот был и в облике Георгия Францевича, он ничего мне тогда не ответил, но я услышал сердцем его ответ. Молчание ведь может быть красноречивее слов. Милляр на многие вечные вопросы человеческого бытия ответил своим творчеством актера, мыслителя, стихотворца, рисовальщика.

Был он личностью божественно одаренной...

Приехали мы на «рафике» в Ростов Великий уже под вечер. Выступление наше было назначено на следующий день. Повели нас на ужин в Кремль, в старинную келью. Угощали монастырской похлебкой, квасом и горячительными напитками, изготовленными по рецептам былых времен.

Ночью не спалось. И мы совершили прогулку по Кремлю при свете звезд, которые в этих краях особенно ярки. «Как в сказке!» — восторженно произнес я. «Это сказка!» — уточнил Георгий Францевич. Да, это была сказка — таинственно мерцающие звезды, сам Кремль был немой песней таланту людскому, торжеству духа и труда человеческого, и рядом мудрец из мудрецов Георгий Францевич Милляр. Прошло много лет с той поры, но такое не забывается. О подобных памятных днях жизни Шукшин сказал: «Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье». Шукшину дала путевку в жизнь та же студия, что и Милляру, —

Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени Горького (в прошлом «Союздетфильм»). Тогда эта студия, которая стоит сегодня на пороге своего 90-летия, притягивала к себе мудрецов, больших художников — таких, как Милляр, как Шукшин. Здесь есть над чем подумывать, когда начинаешь размышлять о сегодняшнем дне старейшей студии страны. Сила кинематографа велика, когда он в руках тех, кто думает о душе человека. Помните, у Льва Толстого: спасем душу — спасем мир. Сила кинематографа как искусства в том, что он дарит Таланту бессмертие на экране, и, пока будут приходить в этот мир дети, не будет конца фильмам-сказкам с участием Георгия Францевича Миллара.

Кому посчастливилось знать этого удивительного творца, запомнят его улыбку, его доброе отношение к людям, его преданность искусству, его неистовый труд на благороднейшем поприще детского кинематографа. Низкий ему поклон и наша долгая благодарная память.

Ханжонков, Милляр и Роу на съемках фильма «Конек-Горбунко»

Милляр славился не только своим острым языком, но и легким и беспристрастным к особенностям собственной внешности карандашом. Этот автошарж он оставил на листке, на котором кинорежиссер Юрий Швырев записывал его «Азбуку». Они сидели в кафетерии студии им. Горького. На просьбу своего визави оставить автограф «о взаимном громадном чувстве удовлетворения, как при подъеме на Останкинскую башню» 82-летний Милляр откликнулся четверостишием «Останкинская труба»:

Нам жить осталось так немного,
Уж мы теперь совсем не те
У ресторанного порога
На ненормальной высоте!

В Ростове Великом после встречи со зрителями